Николаю Бухарину

3

№ 6.

ЛЕВЪ МОВИЧЪ.

ВОЙНА И ЕЯ БУДУЩЕЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ГОЛОСЪ.

Ц. 10 К.

СПБ.

ЛЕВЪ МОВИЧЪ.

ВОЙНА И ЕЯ БУДУЩЕЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ГОЛОСЪ.

Ц. 10 К.

СПБ.

ОТЪ АВТОРА.

Предлагаемая статья была написана задолго до окончанія войны, задолго до Мукдена и Цусимы, задолго до грозныхъ громовыхъ раскатовъ народнаго гнѣва. Она была написана для либеральнаго журнала, но помѣстить ее редакторъ не рѣшился, найдя, что „теперь было-бы прямо безтактно печатать ее“.

Несмотря на то что статья писалась, конечно, съ оглядкой, и ужасовъ русско-японской войны авторъ въ ней ни словомъ не коснулся,—статья была все-же запрещена цензурой, когда была предъявлена, уже послѣ Мукдена, Цусимы и «геніально» заключеннаго мира. Послѣ „Государственной Думы“, почти наканунѣ *четырехъ свободъ*, статья была вторично представлена въ цензуру и вторично запрещена.

Все небо обложено страшными грозовыми тучами. Когда пронесется гроза и смететъ все гнилое, ненужное, ветхое и негодное—и будетъ день и ясное солнце,—то, быть можетъ, тогда-же она смететъ и самую возможность войны. Пролетаріату война не нужна, и онъ, рано или поздно, объявитъ смерть войнѣ. Но и то, что уже имъ сдѣлано, велико,—такъ какъ война въ интересахъ концессій на Ялу уже болѣе невозможна и теперь, такъ какъ возможность привлеченія гг. Безобразовыхъ, Алексѣевыхъ и пр. къ народному суду уже и теперь не исключена.

I.

Можно ли въ то самое время, когда стихійное бѣдствіе, какъ гнѣвъ Господенъ, яростно разрушаетъ все по пути,—спокойно размышлять о немъ, изучать сущность его? Это трудно, но стремленіе это естественно,—не менѣе естественно, чѣмъ порывъ помочь бѣдствію. Тѣмъ болѣе, что кровь всегда лилась и льется гдѣ нибудь рѣкою, тѣмъ болѣе, что человѣчество до сихъ поръ еще не столковалось относительно основныхъ принциповъ своей жизни, и подъ грохотъ пушекъ и стоны раненыхъ извѣка продолжается безконечный принципіальный споръ.

Принципіальный диспутъ, проходящій черезъ всю исторію человѣчества, ведется и аргументируется настойчиво, яростно фактами, жизнью человѣчества. Діалектическій споръ разгорается и аргументируется то здѣсь, то тамъ безумнымъ артиллерійскимъ огнемъ, потрясающими минными взрывами... И въ то время, когда мы читаемъ въ газетахъ, что „обѣ арміи ведутъ борьбу на жизнь и смерть,—это не бой, а поголовное истребленіе, кровавая схватка, которая можетъ кончиться истощеніемъ силъ обо-

ихъ противниковъ"; когда мы смотримъ на страшное зарево пожара на Дальнемъ Востокѣ,—мы не можемъ не вдумываться въ причины его, не можемъ не прислушиваться къ вѣковѣчному принципіальному спору.

„Принципы—это душа исторіи". Двѣ партіи,—партія рутины и партія свободнаго и безграничнаго совершенствованія человѣческаго ведутъ вѣковѣчный споръ. Въ таинственную глубь вѣковъ уходитъ начало спора, но ясно и отчетливо началъ формулировать его впервые Іудей Исаія... „И ждалъ онъ правосудія, но вотъ кровопролитіе; ждалъ правды, и вотъ—вопль... Горе вамъ, прибавляющіе домъ къ дому, поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста, какъ будто вы одни поселены на землѣ". „Мораль рабовъ!"—отвѣчаетъ ему презрительно Ницше. — „И перекуютъ мечи свои на орала, и копья свои на серпы... Не подниметъ народъ на народъ, меча, и не будутъ болѣе учиться воевать"—продолжаетъ мечтатель Исаія... „Война необходима для нравственнаго развитія, въ ней высшее проявленіе нашей доблести", перебиваетъ глубокомысленно Гегель... „Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ, и теленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ"—настаиваетъ Исаія...

Цѣлый хоръ голосовъ отвѣчаетъ ему. „Львиная доля — законна", кричитъ Прудонъ. „Война—орудіе Божественнаго промысла", заявляетъ де-Местръ. „Война приводитъ въ дѣйствіе всѣ силы и способности человѣческой природы, опре-

дѣляетъ существованіе и благоденствіе народовъ", говоритъ разсудительно графъ Порталисъ. „Война и бѣдствія, ее сопровождающія, развиваютъ нравственныя силы: если бы не было войны,—храбрость, терпѣніе, твердость, самоотверженіе, презрѣніе къ смерти, все это исчезло-бы съ лица земли", увѣряетъ служитель св. Евангелія, Ансильонъ... Съ глубокой вѣрой, настойчиво и властно Исаія продолжаетъ: „И младенецъ будетъ играть надъ норою аспида, и дитя протянетъ руку свою на гнѣздо змѣи. Не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ Моей, ибо земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море"... „Демократическая ересь!", „Рѣчи демагога!", „Утопія!"—кричатъ ему хоромъ...

„Я не государственный человѣкъ... Я простой гражданинъ, представитель массы. О, я не одинокъ въ своемъ стремленіи осудить и заклеймить позоромъ эту войну. Но если бы я даже былъ совершенно одинокъ и лишь одинъ мой голосъ раздавался бы среди бряцанія оружія и криковъ продажной прессы, то и тогда я находилъ бы постоянное утѣшеніе въ томъ, что я ни однимъ словомъ не содѣйствовалъ безумному расточенію рессурсовъ моей страны и не хотѣлъ пролитія ни одной капли крови моихъ согражданъ". *) Ученики Исаіи продолжаютъ его мечты. Сенека, Фенелонъ, Кантъ, Лейбницъ, Гейне, Гюго, Вольтеръ, Паскаль, Мопассанъ... и много, много другихъ...

---

*) Джонъ Брайтъ.

Но рутина управляетъ міромъ. Съ 1490 года до Р. Х. по 1861 годъ послѣ Р. Х., т. е. за періодъ въ 3357 лѣтъ человѣчество пользовалось относительнымъ покоемъ всего лишь 227 лѣтъ и 3130 лѣтъ проявляло доблесть, самоотверженіе, презрѣніе къ смерти и всѣ великія добродѣтели, которыя воспѣваютъ Гегель, Ансильонъ, де-Местръ и всѣ политики, дипломаты, воины и государственные люди всѣхъ временъ и народовъ, подъ всѣми широтами и долготами... Что же такое война? Попробуемъ кратко выяснить ея „дѣла“ и по дѣламъ ея судить ее. Разсмотримъ для этого нѣсколько ясныхъ и выразительныхъ цифръ.

II.

Великій Наполеонъ явился въ подземное царство Плутона въ сопровожденіи арміи погубленныхъ имъ доблестныхъ воиновъ количествомъ *въ 8 милліоновъ человѣкъ.* Бисмаркъ и Мольтке явились туда скромнѣе—въ сопровожденіи не болѣе одного милліона; а за весь девятнадцатый вѣкъ погибло „доблестной" смертью воиновъ больше *пятнадцати милліоновъ человѣкъ.* Война 1870 года унесла 800.000 человѣкъ, а слѣдующая за ней Русско-турецкая болѣе 400.000 человѣкъ. Сосредоточимся немного, постараемся уяснить себѣ внутреній смыслъ и значеніе хотя бы послѣднихъ двухъ цифръ.

Если бы эти милліонъ двѣсти тысячъ человѣкъ, павшіе подъ Седаномъ, Мецомъ, Плевной, Шипкой и на другихъ „доблестныхъ" поляхъ, послушались бы мечтателей Канта, Лейбница, Паскаля и перваго изъ нихъ Исаіи и „перековали бы мечи въ орала", то, работая всего по нѣсколько часовъ въ день втеченіи десяти лѣтъ,—а на такое, „долголѣтіе" они могли бы разсчитывать, такъ какъ Богъ

войны любитъ храбрыхъ, молодыхъ и сильныхъ,—они сдѣлали бы слѣдующую колоссальную работу. Считая триста рабочихъ дней въ году и стоимость рабочаго дня только въ 0,5 рубля,—получаемъ, что ихъ работа стоила бы втеченіи десяти лѣтъ тысячу восемьсотъ милліоновъ рублей, т. е. на одинъ ихъ жалкій заработокъ человѣчество обогатилось бы *ста тысячами школъ* (полагая 3000 рублей на оборудованіе школы и содержаніе ея на 3% ренту съ 15.000 рублей), или *тремя стами университетовъ* (6 мил. руб. на основаніе университета). Кровь, какъ продуктъ, не имѣющій мѣновой цѣны, мы не вводимъ въ разсчетъ.

И это только за *двѣ* войны. Эту колоссальную работу эти люди сдѣлали бы, не жертвуя жизнью своей, и ихъ работа была бы только функціей ихъ жизни. Повторяемъ,—о крови и слезахъ мы не будемъ говорить. Но для болѣе яснаго уразумѣнія самой цифры, мы хотимъ показать въ цифрахъ же ея величину: если каждую минуту безъ перерыва убивать по одному человѣку, то для убійства 1.200.000 человѣкъ надо употребить 2 года, 3 мѣсяца и 14 дней. Да, это нелегкая работа, но геній изобрѣтательности, пушки Армстронга и святая глупость народныхъ массъ, даютъ возможность дѣлать это скорѣе.

Но война—это не только убійство и увѣчье извѣстнаго количества людей. Война—это напряженіе всѣхъ экономическихъ силъ страны, неимовѣрное отягощеніе государственнаго бюджета. Это—экономическое банкротство страны. Столѣтія послѣ войны продолжаютъ госу-

дарства погашать долги, сдѣланные во время ея.

Однако, и это еще не все. Вооруженный миръ—три милліона человѣкъ въ Европѣ, находящіеся въ мирное время подъ ружьемъ, согласно древнему принципу, „если хочешь мира, то готовься къ войнѣ“,—истощаетъ и обезсиливаетъ народные организмы. Поглощая всѣ силы народныя, милитаризмъ сверхъ того деморализируетъ, развращаетъ населеніе, отучаетъ отъ правильной, полезной работы, воспитываетъ слѣпое повиновеніе въ ущербъ простому человѣческому достоинству, угнетаетъ народную психику. Алкоголизмъ, проституція и сифилисъ—любимыя дѣти милитаризма. Угнетеніе и вѣчная угроза свободѣ народовъ—это милитаризмъ.

„Война—это цѣлый рядъ преступленій, позорящихъ каждаго отдѣльнаго человѣка: поджогъ, грабежъ, насиліе, убійство“, резюмируетъ свое сужденіе о войнѣ Анатоль Франсъ. А чуткая, мистическая душа Паскаля, исполненная ужаса, реагируетъ однимъ удивленіемъ: „Можно-ли себѣ представить положеніе болѣе курьезное, когда человѣкъ считаетъ себя вправѣ убить другого, хотя между ними лично не было никогда никакой непріязни, потому только, что они живутъ въ различныхъ странахъ, государи которыхъ поссорились между собою“.

Таковы „дѣла“ войны, по которымъ мы должны „судить“ ее. Но раньше, чѣмъ судить, мы должны опредѣлить ея суть, ея происхожденіе, такъ какъ мнѣнія о ней рѣзко различны. Въ то время, какъ Прудонъ говоритъ, что „война божественна, т. е. фактъ перво-

начальный, существенное условіе жизни человѣка и жизни общества",—Ла-Брюйеръ, напротивъ, слѣдующимъ примѣромъ ярко выражаетъ свое глубокое презрѣніе и отвращеніе къ ней: „Если бы вамъ кто-нибудь разсказалъ, что въ какой нибудь обширной странѣ на громадной равнинѣ собрались тысячи кошекъ и съ яростью набросились другъ на друга, пуская въ ходъ свои когти и зубы... Представьте себѣ, что то же самое устроили бы волки; какимъ воемъ огласили бы они воздухъ.... Если бы теперь и тѣ, и другіе стали увѣрять васъ, что, поступая такъ, они стремятся къ славѣ... не расхохотались ли бы вы отъ всей души надъ простодушіемъ бѣдныхъ животныхъ"...

Что же такое война?

Гаррингтонъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ суть войны, опредѣляя свое отношеніе къ ней: „Положите въ мѣшокъ нѣсколько собакъ и встряхните его; собаки вопьются зубами другъ въ друга; между тѣмъ никому изъ нихъ не придетъ въ голову мысль укусить руку, встряхивающую ихъ"... Въ какой-же мѣшокъ положили собакъ, кто встряхиваетъ ихъ и будутъ ли ихъ вѣчно встряхивать?

III.

Этотъ „мѣшокъ“ есть естественное состояніе человѣка,—законъ борьбы за жизнь, дѣйствующій во всей природѣ, неизмѣнное и неуничтожимое начало, которому подчинено все существующее.

Первоначальное состояніе человѣка, говоритъ Гобсъ, есть война. Строгое изслѣдованіе натуралистовъ этого положенія, даннаго юристомъ, приводитъ къ тому же выводу. Это была первоначально война человѣка съ человѣкомъ, семьи съ семьею, клана съ кланомъ, племени съ племенемъ. Члены одной семьи выработали еще въ доисторическія времена длительное перемиріе, вышедшее непосредственно изъ принциповъ войны и признавшее власть за побѣдившей силой,—отдавъ ее *главѣ* семьи. Таковъ былъ первый миръ по логикѣ факта и силѣ законовъ природы,—таково было зарожденіе перваго права. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе всѣхъ факторовъ, вліявшихъ на этотъ процессъ, возьмемъ только тотъ несомнѣнный выводъ, что изъ войны семьи съ семьей народился кланъ, который представилъ собою перемиріе между ними. Процессъ *преобразованія* войны въ миръ, силы въ право продолжался и продолжается. Мы имѣемъ племя, націю,—наконецъ, сложную и широкую форму человѣческихъ отношеній, государство. Но присмотримся ближе къ жизни его, разсмотримъ основные принципы его, его душу.

Современное правовое государство имѣетъ въ основаніи *право силы*. Болѣе того: его идеи, его мораль, его право, законы, которыми оно управляется— все на силѣ основано, силой держится, силой объясняется. За спиной нашей морали, между строкъ нашихъ законовъ, кодексовъ гражданскаго и уголовнаго права,—стоитъ всюду сила. „Сила есть необходимая гарантія права“, говоритъ Ансильонъ. Это положеніе несомнѣнно ясно и неотразимо, какъ повелительное требованіе разума и для не-спеціалиста. Допустимъ, что все то, что мы считаемъ правомъ, нравственностью, человѣкъ признаетъ фикціей и дастъ волю своимъ первичнымъ инстинктамъ войны, разнуздаетъ первобытнаго звѣря, лежащаго въ немъ. Къ чему это приведетъ? Эта война должна будетъ привести къ миру; антагонизмъ долженъ переродиться и привести къ созданію извѣстнаго договора, обезпечивающаго и охраняющаго перемиріе,—иначе говоря‘ должно возродиться *право*, сохранить которое въ интересахъ каждаго въ отдѣльности и для охраны котораго общество обладаетъ извѣстной силой. Итакъ, изъ войны происходитъ миръ, изъ силы нарождается право. Въ правильно устроенномъ обществѣ предполагается, что каждый изъ гражданъ одинаково *силенъ*, а, слѣдовательно, одинаковы *права* каждаго изъ нихъ. Изъ этого отправнаго пункта исходитъ правосудіе. Общество—собраніе силъ, *равнодѣйствующая* ихъ гарантируетъ правосудіе каждому изъ его членовъ.

IV.

Итакъ, первое *право*, основатель и охранитель его есть *сила*. Это положеніе неоспоримо и даже болѣе и не оспариваемо тоже, если только мы стоимъ на почвѣ науки и яснаго умозрѣнія, не привлекая въ наши разсужденія область религіи. Но Прудонъ идетъ дальше. Онъ настаиваетъ на существованіи *права силы*. Юрисконсульты не признаютъ его, говоритъ онъ, но исторія и народъ признаютъ его такъ же, какъ всякое другое право. Солдатъ знаетъ, говоритъ Прудонъ, что въ войнѣ народы находятъ свое право, что война есть судъ во имя силы. Онъ не согласенъ съ мнѣніемъ Цицерона и Гроція, видящихъ въ войнѣ послѣдній способъ рѣшить споръ и находящихъ, что сама по себѣ война есть отсутствіе, полное отрицаніе, оскорбленіе правосудія. Онъ возмущается тѣмъ, что, по мнѣнію ученыхъ, *право войны*—пустое слово, и находитъ, что война—это *правосудіе*. Онъ доказываетъ, что процессъ войны совершенно тотъ же, что процессъ судоговоренія, что молитвы, которыя произносятся съ той и другой стороны объ одержаніи побѣды, ничѣмъ не отличаются отъ рѣчей юристовъ въ

гражданскомъ судѣ, ихъ аргументы—отъ аргументовъ, приводимыхъ артиллеріей и пѣхотой,—и что какъ рѣшеніе суда есть выраженіе права, такъ и побѣда тоже *выражаетъ* право.

Оставимъ, однако, парадоксальнаго Прудона, который предвосхищаетъ въ своей книгѣ „Война и миръ" идеи, столь популярнаго теперь, къ сожалѣнію, и столь мало понимаемаго, въ то же время, Ницше. Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ нимъ. Принимая такъ же, какъ и онъ, силу, какъ первооснову права, мы думаемъ въ то же время, что война не есть правосудіе, что сила не *выражаетъ* право, а по законамъ природы *производитъ* его. Мы думаемъ, что свободный Разумъ человѣка могъ бы въ отвлеченіи представить другія данныя для *выраженія* права, но, благодаря своему животному естеству, онъ признаетъ законъ всего живущаго—борьбу, и не знаетъ пока другого права, кромѣ рожденнаго изъ силы.

Но это вопросъ другой, и фактически къ одному выводу приходятъ и Прудонъ, считающій войну „правосудіемъ", и Кантъ, говорящій о ней такъ: „Война всегда *по существу своему несправедлива*, въ томъ смыслѣ, что здѣсь *сила опредѣляетъ право*, или, выражаясь точнѣе, что на войнѣ нѣтъ другого прзва, кромѣ силы". Въ то время, какъ „чистый разумъ" подсказывалъ ему, что есть другое выраженіе права,—онъ фактически не могъ отрицать рѣшеніе „практическаго разума", не могъ оспаривать, что „сила опредѣляетъ право". Гегель слушаетъ судъ только „практическаго разума", не признаетъ этого дуализма, одобряетъ

войну и даже восхищается „*діалектическимъ* шествіемъ Наполеона“.

Не соглашаясь съ тѣмъ, что „сила есть одинъ изъ видовъ правосудія“, что „право силы существуетъ до войны, и побѣда есть только его санкція“,—мы примемъ опредѣленіе Прудона: „война есть требованіе и доказательство оружіемъ права силы“ въ другой формулировкѣ: война есть требованіе и доказательство оружіемъ силы сильнѣйшаго и права, диктуемаго имъ.

Пояснимъ наше разногласіе. Прудонъ говоритъ, что существуетъ *право* завоеванія, *право* поглощенія одной народности другой. Мы говоримъ: да, существуетъ,—такъ же, какъ существуетъ „право“ погребенія трехъ римскихъ городовъ подъ лавой и пепломъ вулкана; да, существуетъ—потому, что... существуетъ; но истинный разумъ есть „чистый разумъ“, а не „практическій“ и въ изверженіи вулкана мы не можемъ видѣть его. Когда Пруссія отрѣзаетъ отъ Франціи часть ея тѣла, Эльзасъ и Лотарингію, то—по Прудону—Пруссія только доказала, что она была права, такъ какъ она выиграла процессъ и отрѣзала въ свою пользу Эльзасъ и Лотарингію. Мы же скажемъ: Пруссія завоевала нѣсколько провинцій и этимъ самымъ — силой своей—создала тамъ нѣмецкое *право*, такъ какъ понятіе о правѣ заключаетъ въ себѣ идею о высшей власти, подчиняющей людей этому праву.

Итакъ, мы подошли къ принципіальному объясненію, къ отвѣту на вопросъ, „въ какой мѣшокъ положили собакъ“. Ихъ положили въ «мѣшокъ» борьбы за

жизнь, подчинили ихъ общему закону жизни, не признающему другого права, кромѣ рожденнаго изъ силы. Но все живущее будетъ вѣчно въ этомъ мѣшкѣ, —значитъ, и война вѣчна?

Объ этомъ потомъ. Раньше попробуемъ отвѣтить на вопросъ, кто встряхиваетъ этотъ мѣшокъ.

V.

Борьба за существованіе есть непремѣнное условіе жизни человѣка. Существованіе предполагаетъ извѣстный минимумъ матеріальныхъ условій, требованій, которыя должны быть удовлетворены. Съ историческимъ ростомъ человѣка этотъ минимумъ все повышается, чрезвычайно медленно, но неизмѣнно кривая потребностей человѣческихъ поднимается вверхъ. И хотя кривая, выражающая удовлетвореніе этихъ потребностей, тоже поднимается, но въ значительно меньшей степени. Такимъ образомъ, разность, существующая между потребностями и ихъ удовлетвореніемъ, остается въ первоначальномъ видѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже увеличилась. И въ то же время, какъ исторія и разумъ человѣческій безконечно расширили его потребности, мы все же видимъ, что въ общемъ человѣчество сегодня, какъ и въ безконечно далекіе вѣка, молится о хлѣбѣ насущномъ. Молится—и „въ потѣ лица" получаетъ его въ крайне скромныхъ размѣрахъ.

Всѣ истребительныя войны родовъ, клановъ, племенъ человѣческихъ имѣли

своей первопричиной экономическіе интересы. Мы не говоримъ, конечно, о безчисленныхъ войнахъ, которыя велись во славу того или другого вождя,—мы не говоримъ о династическихъ войнахъ. Иллюстрируемъ примѣромъ. Извѣстныя племена живутъ въ достаточномъ удаленіи другъ отъ друга; въ лѣсахъ достаточно дичи, въ рѣкахъ достаточно рыбы; прямыхъ причинъ для столкновенія интересовъ нѣтъ. Но вотъ племена размножаются, каждое изъ нихъ расширяетъ свои владѣнія до того момента, пока они оказываются въ непосредственномъ сосѣдствѣ. Дальнѣйшее расширеніе невозможно, и законъ борьбы за жизнь долженъ имъ подсказать два выхода: или выселеніе, перекочеваніе части племени,—„колонизаціи", какъ мы это называемъ на современномъ языкѣ, въ новыя мѣста,—или порабощеніе другого племени, „конфискація" его лѣсовъ, его рѣкъ—завоеваніе.

Рутина управляетъ міромъ; человѣкъ еще такъ юнъ, такъ недавно еще отслоился отъ всей животной природы, что самымъ нормальнымъ и естественнымъ побужденіемъ его будетъ—избрать второй выходъ; и вотъ война начата. Каково будетъ слѣдствіе ея? Одно племя будетъ покорено другимъ; одно изъ нихъ будетъ поглощено другимъ и... изъ силы народится право. Такова исторія войны, такова ея внутренняя сущность,—тѣ глубоко заложенныя пружины, которыя приводятъ ее въ дѣйствіе. Недаромъ въ древнихъ языкахъ война и грабежъ—синонимы, такъ какъ грабежъ и былъ всегда душою войны, двигателемъ ея.

„Ты называешь меня разбойникомъ",—

возразилъ одинъ пиратъ Александру,— потому, что у меня только одинъ корабль; еслибъ я имѣлъ, какъ ты,— двѣсти кораблей, ты назвалъ бы меня царемъ“. Въ этой короткой фразѣ пирата лежитъ самое яркое обвиненіе войны и самое несомнѣнное, въ то же время, объясненіе ея. Онъ, разумѣется, правъ, такъ какъ разросшаяся Грецiя ничѣмъ инымъ не занималась въ своихъ войнахъ, какъ тѣмъ же грабежемъ и Александръ, конечно, ничѣмъ не отличался отъ этого пирата, какъ только количествомъ подвластныхъ ему кораблей.

Пойдемъ дальше. Человѣчество много пережило, много передумало, да и сдѣлало тоже,—но не умѣетъ до сихъ поръ привести въ соотвѣтствіе свои потребности съ возможностью ихъ удовлетворенія. Оно расширяло для этой цѣли свои владѣнія. Равнодѣйствующая сила въ обществѣ измѣнялась,—видоизмѣнялось, сообразно съ этимъ, понятіе о правѣ, но потребности массы человѣчества по прежнему оставались далеко впереди удовлетворенія ихъ. Культурное человѣчество завоевало весь міръ, открыло все, что еще не было открыто — Америку, Австралію, Полинезію; изслѣдовало на земномъ шарѣ все, что еще не было излѣдовано—Африканскій темный материкъ, среднюю Азію,—и всюду посылало оно излишекъ своего населенія; но по прежнему далеко, безконечно далеко отстаетъ удовлетвореніе отъ потребностей. Опытъ и навыкъ исторической жизни, свѣтъ науки съ ея блестящей, прикладной стороной измѣнили всѣ формы народнаго хозяйства, создали такъ называемый капиталистическій строй совре-

меннаго общества. Насколько далеко отстаетъ въ современномъ обществѣ удовлетвореніе массъ народныхъ отъ ихъ потребностей, — слишкомъ хорошо извѣстно каждому.

Но здѣсь получается въ высокой степени любопытное историческое qui pro quo. Принципы—душа войны—остались тѣ же, такъ какъ нѣтъ и не можетъ быть у нея другой души. Жизнь же далеко ушла впередъ, и всѣ войны еще прошлаго столѣтія уже отрицали самихъ себя. Въ самомъ дѣлѣ: принципы войны, затаенный смыслъ ея—грабежъ; между тѣмъ война давно уже отказалась отъ грабежа. Уже давно въ войскахъ преслѣдуется мародерство, провіантъ въ непріятельской странѣ покупается,—послѣ *замиренія края* страна получаетъ *извѣстную автономію*, — контрибуція до смѣшного мало вознаграждаетъ понесенныя потери,—и оголеннымъ въ своей позорной нелѣпости стоитъ назойливый вопросъ: кому и для чего нужна была война?

Несомнѣнно все же, что нынѣ, какъ и въ отдаленные вѣка, экономическіе интересы—первая и главная причина войнъ. Иллюстрируемъ опять нашу мысль примѣромъ. Мы можемъ нарисовать себѣ слѣдующую схему по предложенію Прудона. Вся земля будетъ раздѣлена между человѣческими племенами, одинаково пріобщившимися къ европейской культурѣ. Всѣ закоулки земного шара будутъ заняты, и культурнымъ странамъ некуда будетъ вывозить свои фабричные продукты,—не будетъ «рынковъ», въ погонѣ за которыми современныя государства во всякую минуту готовы къ войнѣ,—

такъ какъ Индія сама будетъ производить ситецъ, Китай самъ будетъ выдѣлывать швейныя машины и Крупповскія пушки, а Полинезійцы и Африканскіе Гереры, гдѣ Германія такъ усердно насаждаетъ теперь культуру, будутъ сами строить автомобили, скоропечатныя машины и подводныя лодки. Это не такъ странно, какъ кажется на первый взглядъ. Много быстрѣе стали шаги исторіи, и лихорадочно-интенсивенъ пульсъ ея. Исторія широко пользуется теперь желѣзными дорогами, телеграфами и телефонами и, то, что она успѣвала когда-то создать въ нѣсколько вѣковъ, она теперь дѣлаетъ въ десятилѣтія.

Роль третьяго сословія, буржуазіи велика и неоцѣненна. Конечно, не культурные интересы всего человѣчества имѣетъ въ виду капитализмъ, когда прокладываетъ шоссейные пути въ Африкѣ, строитъ желѣзныя дороги въ Индіи и Китаѣ, основываетъ факторіи на островахъ Океаніи. Но все же комми—вотъ истинный современный „культуртрегеръ". Чемберлэнъ и Родсъ—его геніи и вожди, изслѣдователь и покоритель Африки Стэнли—его слуга, парламенты странъ—его главная контора. Комми долженъ сбыть какъ можно болѣе товаровъ и онъ ни передъ чѣмъ не останавливается для этого. Онъ продаетъ пушки и лиддитныя бомбы всякому, кто покупаетъ за „наличный разсчетъ" и такъ же, какъ, продавая новый газомоторъ, онъ пошлетъ монтера для установки его,—точно такъ же онъ посылаетъ инструкторовъ для обученія военному искусству и умѣнію пользоваться проданными имъ пушками и ружьями.

Мы повторяемъ.—недалеко то время, когда продавать фабричные продукты „на сторону„ нельзя будетъ, когда„ рынки“ превратятся въ свободныя и культурныя государства, и человѣчество будетъ стоять передъ диллемой: или урегулировать, во что бы то ни стало, сравнять удовлетвореніе народныхъ массъ съ потребностями ихъ собственными силами, внутри страны,—или же повернуть на много столѣтій назадъ, вернуться въ чистый періодъ войны,—въ тотъ періодъ‘ когда война откровенно называла себя грабежемъ и была имъ.

Какъ, думаемъ мы, разрѣшитъ эту диллему будущее человѣчество,—объ этомъ потомъ. Теперь же мы только повторимъ: экономическія причины,—вотъ кто „встряхиваетъ мѣшокъ“, вотъ кто инспирируетъ войны, вотъ кто поддерживаетъ ихъ. За лордомъ Робертсомъ и Китченеромъ стоятъ владѣльцы алмазныхъ копей и фабриканты Манчестера, а нѣмецкія колоніи въ Африкѣ съ „бунтующими“, отказывающимися отъ благъ цивилизаціи герерами не нужны виртембергскому или саксонскому „Михелю“. Это нужно было комми,—онъ инсценировалъ это и онъ „встряхиваетъ мѣшокъ“...

„И ждалъ Онъ правосудія, но вотъ кровопролитіе, ждалъ правды, и вотъ вопль... Горе вамъ, прибавляющіе домъ къ дому, поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста, какъ будто вы одни поселены на землѣ“....

VI.

„Война прекращаетъ антагонизмъ черезъ посредство высшаго разума силы“ и поэтому она „кончится, когда признается право силы“—таково мнѣніе Прудона. Мы не можемъ признать за силой «высшаго разума» и, слѣдовательно, права, какъ продуктъ высшаго разума, мы тоже не признаемъ за нею, но—мы сказали уже, что сила производитъ право и мы дальше покажемъ, какъ сила *должна* породить миръ, какъ война между государствами принуждена будетъ перейти въ миръ—такъ-же, какъ война между отдѣльными личностями одного и того-же общества, исходя изъ того-же принципа борьбы за жизнь, давно принуждена была придти къ миру,—т. е. къ праву, которое сила общества гарантировало личности. Теперь-же мы попробуемъ формулировать главные пункты, выставляемые защитниками войны.

О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже упоминали. 1. Война божественна. 2. Если мы уничтожимъ войну, то въ человѣчествѣ умретъ доблесть, самоотверженіе, геройство, презрѣніе къ смерти. 3. Если мы уничтожимъ войну, то человѣчество впадетъ въ летаргію и выродится. 4. Война

облагораживаетъ расу. 5. Разъ существуютъ національности, государства, то должны быть арміи и войны. 6. Народъ воспитывается и нравственно совершенствуется въ арміи и на войнѣ—и приходитъ въ состояніе нравственнаго упадка, если не проникнутъ воинственнымъ духомъ. 7. И, наконецъ, миръ—это утопія, это химера, такъ какъ война есть нормальное состояніе всего живущаго, ибо человѣчество воевало, воюетъ и... *слѣдовательно,* будетъ воевать.

Постараемся такъ-же кратко формулировать отвѣты противниковъ ея.

1. Война столько-же божественна сколько божественно всякое употребленіе силы, сколько божественны всѣ другія формы борьбы за жизнь и отъ всякой другой борьбы за существованіе отличается только безумной кровожадностью своей и стихійной разрушительностью.

2. Презрѣніе къ смерти—звукъ пустой. Все живое любитъ жизнь, не можетъ не любить ее. Искренніе и храбрые воины откровенно сознаются въ страхѣ смерти, но это не мѣшаетъ имъ дѣлать свое дѣло и мужественно-спокойно умирать, когда это нужно. На всѣхъ поприщахъ жизни, на всѣхъ аренахъ дѣятельности человѣчество велико въ своей доблести, въ своей способности къ самоотверженію, къ геройству. Надо-ли это доказывать? Врачъ, рабочій, инженеръ, сестра милосердія, ученый въ лабораторіи, пожарный на пылающей крышѣ, путешественникъ, мать, гражданинъ... всѣ умѣютъ умирать—надо-ли доказывать это?

3. Старая сказка. Этими сказками тысячелѣтія держатъ въ рукахъ человѣчество и пугаютъ его. Надо думать, что какъ пе-

редъ уничтоженіемъ рабства, крѣпостничества, такъ и передъ уничтоженіемъ каннибальства, человѣчество пугали такими-же сказками. Но оно отказалось отъ каннибальства, отказалось отъ рабства, откажется и отъ войны—и не выродится оно, а, напротивъ, возродится къ новой жизни, къ новымъ, прекраснымъ формамъ общественности.

4. Это несомнѣнно... такъ какъ все лучшее, молодое, сильное, отважное, доблестное было зарѣзано, задушено, растоптано на войнѣ и продолженіе расы предоставлено чахоточнымъ, калѣкамъ, глухонѣмымъ и всѣмъ прочимъ, по непригодности своей не взятымъ на войну. О да, война облагораживаетъ расу...

5. Мы думаемъ, что существованіе національностей и государствъ не предполагаетъ непремѣнно арміи и войны. Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующей главѣ.

6. Всякій, знающій жизнь казармъ и страшную деморализацію, которую вн-оситъ казарма въ народную жизнь, и огрубѣніе нравовъ, соединенное съ поразительнымъ пониженіемъ духовной жизни страны, можетъ отвѣтить на этотъ доводъ только усмѣшкой.

7. Вѣчный миръ—утопія, химера... Но объединеніе Германіи, Италіи, но проложеніе трансъ-атлантическаго кабеля и вѣротерпимость, желѣзная дорога и уничтоженіе пытокъ... и пр. и пр., вплоть до «смѣлой» идеи--освѣщенія городскихъ улицъ,—все клеймилось въ свое время словомъ «утопія».. Вы говорите—это утопія? *Значитъ*, она претворится въ жизнь. Такъ шла исторія.

«Люди воевали и воюютъ»... Люди зажигали костры на скалахъ, чтобы корабли шли на огонь во время бури и разбивались, и люди считали это законной добычей... Люди зажигали костры, возводили на нихъ людей и пѣли „Te Deum“.. И *люди-же* признали свободу совѣсти и на всѣхъ опасныхъ для кораблей скалахъ зажгли маяки и устроили спасательныя станціи... Люди воевали, воюютъ но... «Не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ Моей, ибо земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ моря»...

VII.

«Проблему общественнаго устройства нѣтъ невозможности разрѣшить даже для народа, состоящяго изъ діаволовъ, лишь-бы только этотъ народъ былъ одаренъ пониманіемъ. И такимъ образомъ можно достигнуть вѣчнаго мира, не дожидаясь *нравственнаго преобразованія* людей, которое само по себѣ невозможно»,— говоритъ Кантъ. Несмотря на то, что люди—не діаволы, что они или лучше, или хуже ихъ,—мы все же на основаніи того, что люди «одарены пониманіемъ» и на основаніи законовъ борьбы за жизнь, громко и убѣжденно говоримъ, глядя на страшное зарево пожара:—«Нѣтъ, пожары не вѣчны, — нѣтъ, исторія твердо и настойчиво ведетъ человѣчество къ другому, — нѣтъ, сила, оставаясь силой, и беря то, что она, какъ таковая, по законамъ жизни должна взять, приведетъ къ *праву*, не можетъ не привести къ нему такъ же, какъ брошенное тѣло не можетъ, по законамъ притяженія, не упасть, какъ вода не можетъ не течь по уклону... Тѣло давно было брошено и оно по законамъ физики падаетъ, вода давно начала течь, и идея о вѣчномъ мірѣ, о солидарности всего человѣчества неуклонно падаетъ на землю, неотвратимо течетъ впередъ.

Существуетъ нація, государство, отечество, — слѣдовательно, должна существовать армія и война,—говорятъ намъ. Но каковы рамки, гдѣ предѣлы этихъ понятій? Недалеко отъ насъ то время, когда Виртембергское „отечество“ ненавидѣло какое нибудь „Липпе-Детмольдское“, а „патріотизмъ“ какого нибудь княжества Гессенъ—Дармштадтскаго не уживался съ таковымъ же Саксонскимъ... Мы еще помнимъ патріотизмъ Венеціанскій, Генуэзскій и т. д.

Уроки исторіи ясны и несомнѣнны. Человѣчество крайне медленно, но неуклонно идетъ къ объединенію все въ большія и большія группы. Прометеемъ былъ брошенъ камень, круги, все расширяясь и расширяясь, сливаются съ океаномъ. Все большія массы народныя выходятъ на историческую арену, все большее участіе въ жизни они начинаютъ принимать. Процессъ демократизаціи комфорта жизненнаго, науки, искусства стихійно совершается на нашихъ глазахъ. Это явленіе мы наблюдаемъ во всѣхъ современныхъ культурныхъ обществахъ. И въ то время, какъ общества внутри себя все болѣе демократизируются, начиная представлять все болѣе однородные организмы,—они подъ вліяніемъ законовъ борьбы за жизнь, неуклонно катятся другъ къ другу—если не для слiянія, то для выработки извѣстнаго договора, гарантирующаго имъ свободное и спокойное развитіе.

Исторія идетъ по этому пути и только имѣющіе очи и не видящіе, могутъ не довѣрять этому. Исторія объединила Германію, Италію, создала мощные Соединеные Штаты, создала Австралій-

скую федерацію, бросаетъ на нашихъ глазахъ въ имперіализмъ мирную и высоко-культурную Англію, въ колонизаціонныя авантюры—народъ идеалистовъ и философовъ, Германію, поднимаетъ знамя пангерманизма, панславизма, панлатинизма. Исторія выставила принципъ „Америка—для американцевъ" и недалеко то время, кода старый материкъ—колыбель человѣчества, — сѣдая Азія, возродившись подъ вліяніемъ европейской культуры къ новой жизни, выставитъ принципъ—„Азія, для азіатовъ". И миръ представитъ слѣдующую картину. Большія массы народныя поглотятъ меньшія и „всѣ закоулки земного шара" будутъ раздѣлены между небольшимъ количествомъ группъ человѣчества. Одинаково сильныя, одинаково знающія, одинаково культурныя — эти группы должны будутъ уважать права другъ друга, ибо понятіе о правѣ, какъ мы уже сказали, заключаетъ въ себѣ идею о высшей власти, подчиняющей людей этому праву.

Но это,—хотя и несомнѣнное,—все же отдаленное отъ насъ будущее человѣчества. Однако мы глубоко убѣждены, что мы *теперь* уже стоимъ въ началѣ эпохи замиренія человѣчества. Присмотримся къ жизни текущаго дня.

Человѣчество не жило еще такой жизнью, какой оно живетъ теперь. Страданія и угнетенія буровъ вызывали посредствомъ телеграфа откликъ въ тотъ же день, но не позже, чѣмъ на завтра въ сердцѣ фермера далекаго Запада Америки и поселенца Австралійскихъ степей.

Комми заглянулъ—въ своихъ интере-

сахъ—во всѣ закоулки земного шара и безконечно сблизилъ ихъ. Онъ въ центральной Африкѣ построилъ факторіи... хотя бы для продажи швейныхъ машинъ Зингера. Онъ даетъ эти швейныя машины въ „разсрочку“ полуголымъ дикарямъ и очень заинтересованъ въ томъ, чтобы его черные кредиторы пользовались „благами мира“ и платили ему долгъ, а впереди у него еще „сладкая мечта“ продать имъ велосипедъ. Болѣе того, — самые отдаленные медвѣжьи углы нашей маленькой планеты какимъ то чудомъ, на нашихъ глазахъ познакомились, невольно протянули руку друъ другу и глубоко заинтересованы въ судьбахъ другъ друга. Въ *своихъ* интересахъ комми строитъ желѣзныя дороги и прокладываетъ телеграфы всюду, гдѣ только возможно, но исторія воспользовалась этимъ, и вотъ „медвѣжій уголъ“, о которомъ не только человѣчество не знало, но самъ онъ о себѣ ничего не зналъ,—становится большой дорогой человѣчества и все оно заинтересовано въ судьбахъ его, такъ какъ по этой большой дорогѣ можетъ придти громадная волна невѣжественнаго и голоднаго пролетаріата,—по ней можетъ пріѣхать голодъ въ видѣ массы продуктовъ, выработанныхъ, благодаря дешевому труду невѣжественныхъ туземцевъ медвѣжьяго угла,—по ней-же могутъ пріѣхать холера, чума и... дивныя произведенія генія человѣка, и свободныя демократическія идеи.

Въ городахъ, гдѣ каждая улица представляетъ собою большую дорогу, солидарность интересовъ жителей приводитъ къ требованію не ѣздить безъ фонаря,

чтобы не задавить кого-либо. Земной шаръ становится „большой дорогой“,—и недалеко то время, когда всѣ народы потребуютъ другъ отъ друга, чтобы всюду были зажжены фонари,—чтобы свѣтъ знанія и науки всюду ярко горѣлъ, дабы „не задавить“ кого либо. Интересы самыхъ отдаленныхъ закоулковъ такъ тѣсно переплетаются на нашихъ глазахъ, такъ прочно устанавливается крѣпкая, неразрывная связь между ними, что мы чувствуемъ, слышимъ шаги исторіи,—видимъ, какъ изъ антагонизма выростаетъ миръ, какъ сила—на нашихъ глазахъ—рождаетъ право. Близится эпоха замиренія человѣчества, близится эпоха—назовемъ ее—*вооруженнаго права*, т. е такъ же, какъ въ обществѣ отдѣльная личность, если она даже и слаба, спокойно пользуется своимъ правомъ, которое гарантируетъ ей *сила общества*,—такъ же наступитъ скоро пора, когда отдѣльныя общества спокойно будутъ пользоваться своими правами, которыя имъ будетъ гарантировать сила всего человѣчества. Неуклонно, неотвратимо, какъ законы жизни—идетъ эпоха замиренія человѣчества. Новая, небывалая эра настанетъ... вздрогнетъ человѣчество отъ счастья, къ новой жизни возстанетъ. Ты побѣдишь, Исаія.—„И. перекуютъ мечи свои на орала, и копья свои на серпы... Не подниметъ народъ на народъ меча, и не будетъ болѣе учиться воевать“...

Мы закончимъ нашу статью прекрасными словами Ш. Ренуара, сказанными имъ послѣ разгрома Франціи (въ 1872 г.). «Мы, вчера лишь побѣжденные, осмѣливаемся громко заявить это передъ ли-

цомъ всего міра, свидѣтеля нашихъ недавнихъ пораженій: чувство уязвленнаго самолюбія не поколеблетъ нашей вѣры въ вѣчныя истины. Миръ есть благо, война—преступленіе. Наша дорогая родина не можетъ представить болѣе яркаго доказательства своего возрожденія, какъ подчинивъ чувство с[illegible] его негодованія общему дѣлу цивилизаціи. Пусть отвергнетъ она требованіе реванша, опирающагося на грубую силу“...

Какимъ путемъ международная солидарность непосредственно приводитъ къ разоруженію и къ замиренію человѣчества и въ какія формы этотъ историческій кризисъ долженъ будетъ вылиться—это вопросы, выходящіе за прямые предѣлы нашей темы.

Сентябрь, 1904 г.

На основаніи постановленія Союза кни-
телей отъ 31-го Окт. с. г., всѣ нижепоим-
ванныя книжки изданы (начиная съ № 4) бе-
представленія въ цензуру.

ОТДѢЛЪ СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ:

Поступили въ продажу:

1. **Рѣчь Робеспьера.** Всеобщая подача голосовъ. Перев. Р. Марковичъ, введеніе С. Н. Южакова.
2. **Левъ Мовичъ.** Стачки рабочихъ въ Западной Европѣ.
3. **Л. Зайденманъ.** Правовое положеніе евреевъ въ Россіи.

Новыя книги:

4. **Аббатъ Сійесъ.** „Что такое третье сословіе". Введеніе В. Я. Богучарскаго.
5. **Проф. Г. Еллинекъ.** Конституціи, ихъ исторія и значеніе въ современ. правѣ.
6. **Левъ Мовичъ.** Война и ея будущее.
7. **„Въ грозу".** Сборникъ стихотвореній. Собралъ Л. М. Василевскій.
8. **К. Каутскій.** Соціалъ-демократическая аграрная политика.
9. **Штернъ.** Популярное изложеніе „Историческаго матеріализма" и „Теоріи прибавочной стоимости" Карла Маркса.
10. **Левъ Мовичъ.** Права человѣка и гражданина.

11—15. **Антонъ Менгеръ.** Новое ученіе о государствѣ. Полный переводъ Р. Марковичъ. (5 №№ соединенныхъ).

Готовятся къ печати:

Генри Джоржъ. Три рѣчи. Перев. С. Д. Николаева.

Энгельсъ. О Россіи.

Левъ Мовичъ. Избирательное право и женщина.

В. Я. Богучарскій. Смертная казнь въ Россіи по политическимъ дѣламъ.

Тип. Буссиля, Невскій 126.